

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

**Драма
в кукольном доме**

Приключения баронессы Корф

Амалия – секретный агент императора

Валерия Вербинина

Драма в кукольном доме

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вербинина В.

Драма в кукольном доме / В. Вербинина — «Автор»,
2018 — (Амалия – секретный агент императора)

ISBN 978-5-04-091831-7

Накануне коронации Александра III молодая баронесса Амалия Корф отправилась навестить дальних родственников своего мужа. Вначале ей очень понравился их ухоженный, словно кукольный, особняк, но позже Амалия стала свидетельницей нескольких весьма неприятных семейных сцен и поняла, что в доме не все так гладко, как хотят показать его обитатели. А вскоре она узнала, что Наталья Дмитриевна, почтенная мать семейства, ушла на прогулку и не вернулась, а в ближайшем лесу была найдена ее окровавленная перчатка. Подозреваемых предостаточно — это и муж, имеющий семью на стороне, и его сын от первого брака, ненавидящий мачеху... Амалия была почти уверена в разгадке, но события вдруг приняли совершенно неожиданный оборот...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091831-7

© Вербинина В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Валерия Вербинина

Драма в кукольном доме

Глава 1

Путешествие

«Погода подлая, день темный, сырой и мокрой тряпкой лежит на душе». – Прочитав эту фразу, Амалия машинально бросила взгляд в окно, за которым, однако же, не обнаружилось ничего подобного. Поезд бежал по рельсам, мимо телеграфных столбов, полей, деревьев, одетых весенней зеленью и умытых утренним дождем. Во всем ощущалось дыхание весны, и даже отблески солнечных лучей в лужах сверкали, как расплавленное золото. Мелькали деревушки, шлагбаумы, крестьяне с телегами, птицы на телеграфных проводах, снова поля, снова деревья – и неожиданно, откуда ни возьмись, появился большой белый заяц. Он мчался вдоль насыпи, взмывая над низкой травой, потом скакнул куда-то вбок и пропал из виду. Может быть, состав своим грохотом встревожил и спугнул его, а может быть, заяц направлялся куда-то по своим заячьим делам, и его совершенно не интересовали поезд и его пассажиры, в числе которых находилась и Амалия Корф.

– Станция Сиверская! – объявил кондуктор, проходя по вагону. – Следующая станция – Сиверская... – Остановившись возле Амалии, он наклонился и с улыбкой добавил: – Барышня, ваша остановка.

Та, к кому он обращался, захлопнула книгу, испытывая смесь противоречивых ощущений – не чувств, а именно ощущений. С одной стороны, приятно, когда тебя называют барышней, с другой – обидно, что люди настолько невнимательны, и даже обручальное кольцо на твоём пальце неспособно подсказать им, кто ты есть. Вспомнив о кольце, Амалия поглядела на него не без удовольствия. Ей нравилось ощущать его на пальце, нравилось чувствовать себя замужней дамой; впрочем, сейчас ей нравилось почти все, включая даже затянутый и не слишком интересный роман, который она захватила с собой в дорогу. Её внутреннее небо было таким же безмятежным, как и то, что простиралось за окном, хотя справедливости ради надо отметить, что на последнем еще можно было заметить не то дымку, не то клочья недавних облаков, тающие в лучах солнца.

– Станция Сиверская!

Поезд Петербурго-Варшавской железной дороги подкатил к платформе, локомотив профыркал свое обычное «пшш, хшш, фшш» и встал, лязгнув колесами. Дачный сезон еще не был открыт, и на станции сошло всего несколько человек, считая и баронессу Корф. Амалии хватило одного взгляда, чтобы окинуть скромное деревянное здание вокзала, скучающего на перроне жандарма и двух-трех встречающих, ни один из которых не подошел к ней. Локомотив меж тем зашаркал колесами, выплюнул облако пара, сипло свистнул на прощание и укатил, волоча за собой вереницу разномастных вагонов.

«И ведь знала же, – мелькнуло в голове у Амалии, – что все кончится именно так». Положим, она не то чтобы знала, но предчувствовала, что её путешествие сюда, на станцию Сиверскую, окажется совершенно бесполезным. Пассажиры и те, кто прибыл их встречать, уже удалились, и на перроне осталась только она одна. Даже жандарм и тот куда-то исчез.

«Ждать – но кого? Чего? – Амалия недовольно передернула плечами. По природе она была так устроена, что терпеть не могла ждать чего бы то ни было. – Разумеется, никто меня встречать не будет. Она уверяла, что послала им телеграмму; вздор. Когда я увижу ее в Петербурге, она, конечно, широко распахнет глаза и станет жаловаться, что на телеграфе напутали,

что она ничего не понимает, что она ужасно расстроена, что меня никто не встретил, – а на самом деле ей просто хотелось, чтобы я сделала этот никому не нужный вояж. Не стоило мне поддаваться на ее уговоры навестить родственников, которых я разве что мельком видела на свадьбе и давно забыла. Теперь еще дожидаться поезда обратно...»

Неприязненное – даже в мыслях – «она» обозначало старшую баронессу Корф, свекровь Амалии, великосветскую даму и бывшую – в силу возраста – красавицу, которая с самого начала невзлюбила свою невестку. Основных причин для такого отношения насчитывалось две: во-первых, Амалия была хороша собой и даже лучше, чем ее свекровь когда бы то ни было, и во-вторых, Полина Сергеевна считала, что «эта особа» не пара ее сыну Александру, который вдобавок к титулу, состоянию и положению в обществе мог с недавних пор похвастать званием флигель-адъютанта его императорского величества. С точки зрения матери, достойной парой для него могла являться разве что княжна или графиня, и то при соблюдении тысячи дополнительных условий. Но Александр Корф отчего-то выбрал Амалию, бесприданницу и уж никак не ровню себе, и Полине Сергеевне волей-неволей пришлось считаться с его выбором.

Амалия не обольщалась насчет того, как свекровь к ней относится, но следует отдать старой даме должное – с внешней стороны ее поведение было почти безупречно, и она никогда не позволяла себе проявлять открытое недоброжелательство в адрес своей невестки. Нам легко записать во враги того, кто бросает нам вызов, не скрываясь – и напротив: когда недруг ведет себя так, что его вроде бы не в чем упрекнуть, мы начинаем колебаться. Были, впрочем, кое-какие настораживающие мелочи, шпильки, которые не прошли незамеченными, но ничего, в сущности, серьезного. Живя с мужем отдельно от свекрови, Амалия могла позволить себе не обращать на Полину Сергеевну внимания, тем более что у молодой женщины хватало своих забот. Родился сын, а Александр, получив высокую должность при дворе, стал проводить там куда больше времени, чем раньше. Первое время Амалия находила его отлучки вполне обоснованными, но потом ей стало все труднее переносить постоянное отсутствие мужа. Она знала, что ему среди прочего приходится заниматься и охраной императора – задача весьма непростая, если учитывать, что отец нынешнего государя был убит всего два года назад, в 1881-м. Но когда ты хочешь видеть человека рядом с собой, а он вынужден почти все время проводить на службе, сознание ее важности мало утешает – и совсем не утешает, когда ты молод и влюблен.

Однажды, когда Александру пришлось несколько дней кряду провести в Аничковом дворце при особе императора, Амалия не выдержала и в присутствии свекрови высказала все, что накопилось у нее на душе. Полина Сергеевна выслушала невестку, объявила, что вполне ее понимает, но вряд ли их желание почаще видеть Александра способно что-то изменить в существующем порядке вещей. Может быть, Амалии стоит отвлечься, съездить куда-нибудь – да хотя бы к родственникам самой Полины Сергеевны, которые давно мечтают зазвать ее невестку к себе в гости.

– Его зовут Георгий Алексеевич Киреев, а его жену – Наталья Дмитриевна. Помните, я представляла их вам в день свадьбы? У них имение недалеко от станции Сиверской...

Но Амалия тогда решительно – окончательно и бесповоротно – отказалась ехать к мало-знакомым людям, да еще на станцию Сиверскую, до которой из Петербурга добираться больше часа.

... И вот теперь она стоит одна-одинешенька на перроне, в глубине души досадуя на собственную решительность, которая – как это нередко случается в жизни – обернулась уступчивостью и вылилась в поездку в никуда и неведомо зачем.

«Пожалуй, лучше всего будет узнать расписание и... Да, и взять обратный билет».

Она повернулась и едва не столкнулась с молодым человеком, который только что взбежал по лесенке, ведущей на перрон.

– Простите, сударыня, ради бога, – сбивчиво заговорил он, – вы – баронесса Корф? Амалия Корф?

Прежде чем ответить, Амалия поглядела на него внимательнее. Она смутно припомнила, что на ее свадьбу супруги Киреевы прибыли с двумя сыновьями, один из которых учился в университете, а другой посещал гимназию; но лицо стоящего перед ней молодого человека было ей незнакомо. Лет двадцати с небольшим, русая прядь волос свисает из-под фуражки на бровь, глаза светлые, беспокойные, нос вздернутый, и на нем редкие веснушки. «Нет, не студент, – почему-то сразу же решила Амалия, – не студент». Одет незнакомец был скромно, и, на взгляд его собеседницы, скромность эта слишком близко подступала к бедности.

– Да, я Амалия Корф, – ответила она на вопрос молодого человека. – А...

Амалия собиралась уточнить, с кем, собственно, она имеет дело, но тут незнакомец завертел головой и с озадаченным видом спросил:

– Прошу прощения, сударыня, но где же ваш багаж? И прислуга?

– Зачем мне багаж, если я приехала всего на несколько часов, – пожалала плечами Амалия.

– На несколько часов? – с изумлением переспросил безымянный собеседник. – Но Наталья Дмитриевна сказала мне...

– Что она вам сказала?

– Я так понял ее, что вы приехали погостить на несколько дней, – выпалил странный незнакомец. – Для вас уже приготовили комнаты в княжеском флигеле. И Георгий Алексеевич тоже говорил, что вы останетесь...

На языке у Амалии вертелось множество вопросов, но она пересилила себя и решила начать с главного.

– Простите, милостивый государь, – заговорила молодая женщина, тщательно подбирая слова и сопровождая их как можно более нейтральной интонацией, – но, может быть, вы все-таки представитесь? Потому что я не могу отделаться от впечатления, что вижу вас в первый раз.

– А я не представился? Боже мой! – охнул незнакомец. Он сдернул с головы фуражку и поспешно поклонился: – Митрохин Иван Николаевич, учитель школы для глухонемых. И внештатный сотрудник «Вестника Европы», – прибавил он с гордостью.

Амалия прекрасно знала, что «Вестник Европы» – толстый журнал, считавшийся одним из самых сильных в литературном отношении и уважаемых изданий; но, скользнув взглядом по потрепанной шинели Митрохина и его заштопанным перчаткам, она невольно пришла к выводу, что уважаемый и денежный журнал не слишком-то балует своих сотрудников, особенно внештатных.

– Школа для глухонемых – вы имеете в виду училище, которое находится на Гороховой? – спросила она вслух.

– Совершенно верно, госпожа баронесса. Представляться «учитель училища»... ну, не знаю, мне режет слух как-то... Но, конечно, правильней говорить «училище».

Впрочем, сейчас Амалию больше волновал вопрос, почему именно Митрохина послали встречать ее и какое отношение он имеет к семейству Киреевых.

– Вы – родственник Натальи Дмитриевны? – спросила она наугад.

Иван Николаевич озадаченно заморгал, словно вопрос поставил его в тупик.

– Нет, я, собственно... В сущности, это имеет отношение к моей работе для журнала... Я ждал приезда князя, но он задержался за границей... Можно сказать, мы с Георгием Алексеевичем подружились... и с его супругой тоже...

– А князь... – начала Амалия.

– Князь Петр Александрович Барятинский, вы, наверное, слышали о нем. Он был другом Пушкина.

И, не давая своей собеседнице опомниться, Митрохин быстро прибавил:

– Князь – дядя Георгия Алексеевича.

Итак, все мало-помалу начало проясняться. В одном доме с Киреевыми жил их дядя, друг Пушкина, к которому у Митрохина было какое-то дело. Впрочем, с точки зрения Амалии, это вовсе не проясняло вопроса, почему именно учителя послали ее встречать.

– Но что же мы тут стоим, – вдруг спохватился Митрохин, – кучер же ждет... Прошу, госпожа баронесса!

...Амалия ожидала увидеть какой-нибудь почтенный тарантас, помнящий еще времена императора Николая Павловича, а то и его бабушки, но оказалось, что за ней прислали новехонькую коляску на рессорах. Мнение баронессы о семействе Киреевых сразу же улучшилось – даже несмотря на то, что оно пользовалось услугами маленького и, видимо, подневольного человека. От Амалии не укрылось, что по дороге Митрохин говорил слишком много и невпопад, что характерно для неуверенных в себе людей.

– Мы сейчас проезжаем земли Дрессена... Вы знаете Дрессена? Землевладелец, богач, уважаемый человек... это он выстроил часовню возле станции, после того как убили государя...

Амалия заметила часовню, но в тот момент не обратила на нее внимания. А Митрохин меж тем продолжал:

– Дальше начинаются земли князя, то есть теперь уже не князя, а... Вы слышали эту историю? Не слышали? Мать Георгия Алексеевича и князь были родными братом и сестрой, и они должны были разделить имущество после смерти родителей. Ну-с, как водится, дразги... крючоктворы... вылилось все в не очень красивую тяжбу. Кое-как, впрочем, уладили дело... Сестре, кажется, все-таки досталось меньше, то есть из слов Натальи Дмитриевны можно так заключить, а вот Георгий Алексеевич считает, что доли получились равные. У князя было шестеро детей, и он в шутку говорил, что вот, достанется им кое-какое имущество, кроме писем Пушкина, которые разве что биографов могут интересовать. А потом дети стали умирать, один за другим. Остались только сын и дочь, а дочь тоже умерла накануне своей свадьбы, погибла при пожаре... И князь совсем сдал от горя. Сделалось у него нервное расстройство, он долго лечился за границей... Я неинтересно рассказываю, – перебил сам себя Митрохин. – Вы и так, сударыня, уже все знаете, наверное...

– Нет, продолжайте, прошу вас, – попросила Амалия.

Иван Николаевич вздохнул:

– Словом, на лечение и жизнь за границей требовалось много денег, и князь уступил свою часть сестре, с условием, что ему будет разрешено в любое время приезжать и оставаться сколько душе угодно.

– И сын князя согласился с его решением продать все родным?

– Думаю, да. Во всяком случае, сын не возражал. Он уважаемый человек, преподает в университете, с отцом они давно отдалились друг от друга...

– Почему?

Во взгляде Митрохина, обращенном на Амалию, мелькнуло удивление.

– Что – почему? – спросил Иван Николаевич.

– Последний сын, наследник, единственный ребенок, который остался у князя... Так почему они отдалились друг от друга?

Учитель задумался. Чувствовалось, что он даже не задавал себе подобного вопроса.

– Я не спрашивал, – наконец признался он. – Наталья Дмитриевна говорит, что у князя сложный характер. Когда он похоронил жену, которую очень любил, то окончательно замкнулся в себе. Он обещал через неделю приехать, и если вы, сударыня, задержитесь до того времени, у вас будет возможность познакомиться с ним лично.

В жизни «сложный характер» чаще всего означает «скверный характер», и Амалия подумала, что ей нет нужды задерживаться на целую неделю, чтобы убедиться в этом. Друг Пушкина... Сколько же сейчас князю? Восемьдесят? Восемьдесят пять? Амалия вовсе не считала

старость лучшей порой жизни (вопреки тому, что утверждают некоторые старики). Как ни крути, одряхление касается и умственных способностей, и вообще нет на свете ничего скучнее, чем старый осел, даже если он в молодости был не лишен ума и являлся собеседником великого поэта.

– Вряд ли я смогу задержаться на целую неделю, – промолвила Амалия вслух, ослепительно улыбаясь. – Сегодня или в крайнем случае завтра я собираюсь вернуться в Петербург.

Митрохин встрепенулся.

– Вот мы и приехали! – проговорил он оживленно. – Киреевы – прекраснейшие люди! Наталья Дмитриевна обожает гостей, и Георгий Алексеевич тоже... Может быть, вы еще перемените свое решение?

Глава 2

Кот

– Госпожа баронесса!

– Амалия Константиновна! Очень, очень рад приветствовать вас под нашим, как говорится, скромным кровом...

– Ах, Жорж, ну полно тебе! Мы здесь живем почти безвыездно и так рады новым лицам...

– Особенно такому очаровательному лицу, как ваше, Амалия, – вставил хозяин дома, улыбаясь.

– Жорж, Жорж! Не смущай нашу гостью... Госпожа баронесса может плохо о нас подумать!

– Уверен, госпоже баронессе это в голову не придет, – промолвил Георгий Алексеевич галантно, склонившись в полупоклоне.

Едва войдя в дом, Амалия оказалась в центре общего внимания, и нельзя сказать, чтобы ей это не понравилось. Сами Киреевы тоже располагали к себе: хозяйка – хлопотунья, улыбающаяся и приветливая, ее супруг – седоватый, высокий, с изящными руками, которым позавидовал бы любой пианист или художник. В Георгии Алексеевиче, что называется, чувствовалась порода – однако, присмотревшись внимательнее, гостья отметила некоторую помятость лица, характерную для людей, слишком усердно налегающих на спиртное. Любопытно, мелькнуло в голове у Амалии, что именно может не устраивать хозяина дома в его нынешней жизни. (По молодости своей она не допускала и мысли, что люди могут пить просто так, без всяких видимых причин, по одной только склонности.) Амалия знала, что Георгий Алексеевич был вполне обеспечен и мог позволить себе нигде не служить, стало быть, неприятности по работе исключались. Старший его сын учился в университете, младший посещал гимназию. Нельзя сказать, чтобы Георгий Алексеевич много вращался в свете, но у него имелось достаточное количество влиятельных родственников, способных помочь с решением практически любой проблемы. О его имении Амалии приходилось слышать, что, хотя оно не приносит больших доходов, в нем вполне можно жить безбедно. Дом Киреевых понравился ей до чрезвычайности: выкрашенный в бледно-розовый цвет, с белыми колоннами и наличниками, издали он походил на хорошенькую игрушку, а вблизи становился еще очаровательнее. Есть дома, при одном взгляде на которые думаешь: «Вот тут я хотел бы жить», и баронесса Корф, увидев жилище хозяев, именно так и подумала.

В самом доме царил образцовый порядок, и Амалия чувствовала, что он наводился тут не ради нее – нет, он был частью атмосферы, частью уюта, которым здесь все дышало; а создание прочного уюта – да будет вам известно – есть одна из самых сложных задач на свете, который сам является порождением хаоса. Баронесса Корф решила, что пленивший ее уют создавался не год и, пожалуй, даже не десяток лет, а больше; и еще – что вряд ли Георгий Алексеевич приложил к нему руку. Конечно, всем тут заправляла Наталья Дмитриевна, и кресло, которое она подвинула гостье, было мягко, как пух, с нежнейшей на ощупь обивкой и не смело ни скрипеть, ни шумно волочить свои ножки по полу. Тут взгляд Амалии упал на Ивана Николаевича, который неловко мялся в дверях гостиной, и ей стало немножко совестно, что она размышляет о всяких пустяках, о домах и креслах, в то время как вблизи нее человек стоит с таким неприкаянным видом. Она подумала, что жизнь учителя школы для глухонемых должна быть не слишком весела. Воображение тотчас нарисовало Амалии тесную квартирку – а то и комнату у ворчливой хозяйки, чадающую печь, отклеивающиеся лохмотьями обои, стопку книжек на столе и, конечно, номера «Вестника Европы» в щегольских красных обложках, с названием, расположенным полукругом. Вероятно, журнал был единственной надеждой Митрохина разо-

рвать кокон нищеты и выбраться в иную, лучшую жизнь, где нет ни дребезжания старческого голоса, требующего немедленной уплаты денег за квартиру, ни вечной тесноты, ни ощущения собственной неприютности и ненужности.

– Я надеюсь, Иван Николаевич не опоздал к приходу поезда? – спросила Наталья Дмитриевна, присаживаясь в кресло возле Амалии. Судя по тону хозяйки дома, опоздание приравнивалось к *lèse-majesté* – оскорблению величества, за которое в старой доброй Европе можно было и лишиться головы.

– Нет, господину Митрохину даже пришлось меня ждать, – ответила Амалия и лучезарно улыбнулась.

Иван Николаевич поднял голову и посмотрел на баронессу с удивлением.

– Он еще никак не хотел поверить, что я приехала без багажа и прислуги, – добавила Амалия быстро, чтобы не дать учителю возможности опровергнуть ее. – Маленькое недоразумение: я-то думала, что приеду к вам ненадолго...

Ее засыпали словами с двух сторон. Нет, ну почему бы ей не остаться на день-два? Киреевы были совершенно уверены, что госпожа баронесса проведет у них как минимум завтрашнюю субботу, а также воскресенье и вернется в Петербург не ранее понедельника. К тому же завтра обещал прибыть Володя (старший сын) вместе с братом Алексеем. Оба они в восхищении от своей новой родственницы и будут весьма огорчены, если ее здесь не окажется.

Поотнекивавшись немного для приличия, Амалия сказала, что, пожалуй, останется до завтра, а там будет видно. Наталья Дмитриевна просияла и объявила, что распорядится насчет обеда.

– Вы, конечно, отобедаете с нами? – спросила Амалия у Митрохина.

Учитель покраснел.

– Да, разумеется, разумеется, оставайтесь! – воскликнул Георгий Алексеевич, оживленно потирая руки.

Наталья Дмитриевна метнула на него быстрый взгляд, и ее губы на секунду сжались в неодобрительной гримасе, но уже в следующее мгновение на них царила обычная для этой маленькой кругленькой женщины приветливая улыбка. «Уж не думает ли она, что ее супруг собирается воспользоваться присутствием Митрохина, чтобы лишний раз выпить? – подумала невольно заинтригованная Амалия. – На собутыльника, впрочем, Иван Николаевич не очень похож – слишком уж чистое лицо...»

– Если вы так настаиваете, – неловко проговорил Митрохин, – я сочту за честь...

Его слова упали в пустоту и в ней же и растворились, потому что никто, кроме Амалии, не обратил на них внимания. Наталья Дмитриевна отправилась отдавать указания насчет обеда, а гостя осведомилась у хозяина дома, где она может помыть руки. Георгий Алексеевич вызвал горничную и поручил баронессу Корф ее заботам.

Когда Амалия вернулась в гостиную, там уже никого не было. Солнце перешло на эту сторону дома и ломилось в окна золотым потоком. Амалия заметила в углу зеркало, поглядела на себя, убедилась, что она хороша – и даже очень – и серо-сиреневое платье ей к лицу, как никогда. Если бы для настроения существовал термометр, то на таком воображаемом термометре ее собственный внутренний настрой достиг бы сейчас наивысшей отметки. Она поправила в прическе одну шпильку, которая посмела немного выбиться из волос, и снова повертелась перед зеркалом. Ей захотелось рассмеяться – без всякой причины, просто так; и она засмеялась. Заложив руки за спину, Амалия прошла по комнате. В сущности, прекрасная идея познакомиться покороче с этими Киреевыми, которым Полина Сергеевна, судя по всему, придает такое значение. Они расскажут ей о госте много приятного, и свекровь станет лучше относиться к своей невестке.

Тут внимание Амалии привлекли висевшие на стене фотографии в рамках. Снимки всегда завораживали ее; она любила рассматривать изображения даже незнакомых людей и раз-

мышлять, какие у них были характеры, как сложилась их дальнейшая судьба – или как могла бы сложиться. Кроме того, Амалия не могла отделаться от ощущения, что в каждой фотографии запечатлен словно кусочек вечности, маленький ее осколок, который, может быть, переживет века. Пройдет двадцать, сорок, сто лет, а юная, очаровательная и уже тогда кругленькая, как наливное яблочко, Наталья Дмитриевна в светлом платье все так же будет стоять на фоне занавеса ателье фотографа, повернув голову и лукаво улыбаясь. На других снимках были запечатлены Георгий Алексеевич – молодой и красивый, он же, уже постарше и с обозначившимся лицом пропойцы, и снова он в кругу своей семьи. Несколько старых фотографических карточек в рамках были повешены неудачно и почти скрыты высоким шкафом, но Амалии все же удалось разглядеть, что на них изображена одна и та же изможденная молодая женщина, лицо которой оказалось гостьюе незнакомо. На одном снимке неизвестная держала на коленях черного кота, на другом сидела в саду того самого дома, где Амалия находилась сейчас. Глаза молодой женщины, казалось, были устремлены прямо на гостью, и баронесса Корф даже поежилась. «Чахотка? – мелькнуло в ее голове, когда она присмотрелась к чертам лица незнакомки. – Да, пожалуй, что она серьезно больна». Третий снимок оказался полностью закрыт шкафом, и разглядеть его не было никакой возможности. «Семейные тайны, – усмехнулась про себя Амалия. – Странно, почему они не хотят просто снять эти снимки со стены». Обернувшись, она вздрогнула: в гостиную только что бесшумной походкой вошел черный кот, как две капли воды похожий на того, которого незнакомка держала на коленях. У Амалии на мгновение даже мелькнула мысль, что он сошел с фотографии, но потом она сообразила, что, наверное, это один и тот же кот. Женщина когда-то жила в этом доме, теперь ее нет, а кот остался. Но кое-что все-таки подспудно беспокоило Амалию: судя по платью незнакомки и тому, что бумага изрядно пожелтела, снимок был сделан лет двадцать пять тому назад, если не больше. Вошедший кот выглядел явно моложе. Амалия перевела взгляд с пышного кринолина незнакомки на кота – и у нее даже мороз по коже прошел. Кот исчез; в комнате, кроме нее, никого не было.

«Но ведь я не могла ошибиться: он стоял тут, перед пятном солнечного света на полу, и *смотрел на меня*. – Амалия поежилась, но тут же опомнилась и одернула себя: – Нет, так не годится. – Изображение требовало объяснений, и она решила начать с него. – Это какая-то родственница хозяев, которую они не слишком жалуют, раз убрали ее снимки за шкаф, а кот... Что кот? В конце концов, котов на свете много. Двадцать с лишним лет назад у нее был черный кот, а теперь в усадьбе живет другой черный кот, потомок того... Вот и все».

– Амалия Константиновна!

Наталья Дмитриевна стояла на пороге, и теперь, при ярком солнечном свете, Амалии показалось, что в хозяйке произошла странная перемена. Хлопотливая мать семейства, улыбающаяся и приятная во всех отношениях, выглядела поблекшей немолодой женщиной, поглощенной заботами. Гостье только сейчас бросилось в глаза, что у хозяйки довольно редкие светлые волосы, несмотря на все парикмахерские ухищрения, и что передние зубы у нее выпирают, как у кролика. Кожа лица Натальи Дмитриевны была сероватая, нездоровая, вокруг глаз собрались лучики морщинок. «И все же меня беспокоит вовсе не то, что она выглядит как обыкновенная немолодая и некрасивая женщина, – смутно подумала Амалия. – А что? Почему у меня сейчас было такое ощущение, словно...»

– Я смотрела на фотографии, – промолвила она вслух, чтобы хоть что-то сказать. – А как зовут вашего кота?

– Кота? У нас их несколько, – пожала плечами Наталья Дмитриевна. – Кто именно вас интересует?

– Я имею в виду черного кота, – пояснила Амалия. – Он только что был здесь.

Нет, ей не показалось: хозяйка дома напряглась, любезная улыбка стянулась в мучительную гримасу.

– Черный кот? – пробормотала Наталья Дмитриевна. – Должно быть, вы ошиблись, Амалия Ивановна.

Она и сама не заметила, как в свой черед допустила промах, намудрив с отчеством гостя; но Амалия не стала ставить ей это на вид.

– Я видела сейчас черного кота, – проговорила гостя.

– Нет-нет. – Наталья Дмитриевна решительно потрясла головой, словно отгоняя наваждение. – У нас нет черных котов. Вы, верно, обознались, госпожа баронесса.

– Может быть. – Амалия решила не спорить, видя, что упоминание о черном коте отчего-то взволновало и даже испугало хозяйку. Повернувшись, гостя сделала вид, что рассматривает на противоположной стене портрет нахального молодого военного, который отчаянно рисовался, положив руку на эфес сабли и выпятив украшенную орденами грудь. – Кто это? – спросила Амалия, указывая на него.

– Князь Петр Александрович Барятинский, герой войны двенадцатого года и дядя моего мужа, – ответила Наталья Дмитриевна, не без удовольствия поглядев на портрет. – Награжден за Бородино и взятие Парижа... Тайный советник и камергер. Сейчас, конечно, в отставке – возраст, что вы хотите...

Амалия, может быть, ничего не хотела, но кукольный дом, полный тайн, начал ее увлекать. В одной и той же точке вселенной сошлись черные коты, появляющиеся из фотографий, герои войны двенадцатого года, водившие дружбу с Пушкиным, и таинственные дамы, чьи снимки прятали от посторонних глаз, но все же не решились убрать окончательно. Амалия подумала, что в ближайшее время ей точно не придется скучать; и, как мы вскоре увидим, она ничуть не ошибалась.

Глава 3

Заурядные секреты и незаурядные мелочи

– Дачники, – со значением промолвил Георгий Алексеевич, подняв указательный палец, чтобы привлечь больше внимания к своим словам. – Я хорошо знаю окрестности Петербурга и положительно утверждаю: наша Сиверская – просто райский уголок. Но дачники все портят.

– Ну как же теперь быть без дачников? – протянула его супруга. Она говорила не вполне серьезно и в то же время не совсем шутливо, но Амалии отчего-то показалось, что Наталья Дмитриевна держится на чеку и что за двусмысленностью ее тона скрывается еще что-то, чего она пока не желает обнаруживать.

– Их нашествие началось, как только построили железную дорогу, – не обращая внимания на слова жены, говорил хозяин дома. – Не поймите меня превратно, госпожа баронесса, я не противник прогресса. Но раньше мы жили, можно сказать, тесным кругом. Мы все знали о своих соседях, о почтмейстере и его семье, о местном уряднике... Привыкли, так сказать, к тишине и благолепию, потому что места у нас спокойные, не то что Гатчина или, к примеру, Царское Село. Но дачники спутали все карты, и самое главное, с каждым годом их становится все больше! И совершенно непонятно, кто в другой раз окажется твоим соседом. Хорошо, если человек приличный и уважаемый, а что, если совсем наоборот?

От Амалии не укрылась улыбка учителя Митрохина, который слушал разговор, но сам почти в нем не участвовал. Почувствовав на себе взгляд гостыи, Митрохин опустил глаза и согнал улыбку с лица.

– Говорят, дачи – дело весьма выгодное, – степенно промолвил он своим глуховатым отрывистым голосом.

– Еще бы! – воскликнула Наталья Дмитриевна. – Теперь уже не найти приличной дачи на лето меньше чем за тысячу. А если построить несколько дач и сдавать их внаем...

Слова ее, очевидно, затронули какую-то чувствительную струнку в Георгии Алексеевиче, потому что он решительно потряс головой.

– Послушай, Натали, но ведь не только деньги имеют значение в этом мире... Кончится тем, что стаи дачников понаедут из города, уничтожат всех окрестных зверей, съедят грибы и ягоды... и с чем тогда останемся мы?

– Ну вот, Жорж, тебе бы только стращать, – сказала хозяйка дома, улыбаясь. – Здесь столько лесов, что дачи до сих пор занимают только совсем небольшую часть.

– Весьма живописно, весьма, – непонятно к чему сообщил Митрохин. – И воздух великолепный.

– У нас есть река, – продолжала Наталья Дмитриевна с увлечением, – рыбы и всякой дичи видимо-невидимо, да и на ягоды с грибами никто еще не жаловался. Вокруг сплошные хвойные леса, которые тянутся на много верст. Местность гористая, непростая, попадаются и овраги, и непроходимые чащи. Как хочешь, но не представляю, как можно в таком лесу собрать все ягоды...

– От дачников можно ожидать чего угодно, – желчно перебил ее супруг. – Я настаиваю на том, что дачник – это современная разновидность хищника!

Он опрокинул рюмку водки и порозовел, как закатное облако. Судя по выражению лица его жены, только присутствие на обеде посторонних – особенно важной гостыи – удерживало Наталью Дмитриевну от того, чтобы закатить скандал; но она пересилила себя и со светской улыбкой повернулась к Амалии:

– Вы поедете в мае на коронацию, госпожа баронесса?

Гостья честно ответила, что не знает, потому что многое зависит от обстоятельств, но весьма возможно, что барону Корфу придется там присутствовать, а значит, она тоже поедет с ним в Москву. Коронацию Александра Третьего уже несколько раз откладывали, и Амалию не покидало ощущение, что, может быть, и в этот раз церемонию перенесут. На самом деле, конечно, она не хотела уезжать из Петербурга, где ее держало слишком многое. Даже пустячная поездка на станцию Сиверскую далась ей не без труда, и Амалия была уверена, что в будущем станет еще более тяжелой на подъем. Сейчас путешествия казались ей едва ли не напрасной тратой времени, сопряженной к тому же с множеством хлопот.

Нить разговора ослабела и начала рваться. Георгий Алексеевич забыл о дачниках и попытался налить себе контрабандой вторую рюмку водки, но вмешалась Наталья Дмитриевна и как-то очень ловко перехватила графин, пригвоздив мужа к стулу выразительным взглядом. Немного смущенный учитель не нашел ничего лучшего, как заговорить о погоде. Он вспомнил, что прошлая зима была почти бесснежная, с постоянными оттепелями, а нынешняя – напротив, суровая, и весна пока тоже стоит холодная.

– Мы до сих пор топим печи, – сказала Наталья Дмитриевна и повернулась к госте: – Я распорядилась затопить во флигеле, как только узнала, что вы, госпожа баронесса, собираетесь провести у нас несколько дней.

Амалии понравилось, что на ней не пытались экономить дрова, и в то же время не понравилось, что хозяйка словно выпячивала свою щедрость и готовность ей услужить. Георгий Алексеевич тоскующими глазами посмотрел на графин, который Наталья Дмитриевна держала возле себя, вздохнул и, взяв чашку, стал с отвращением прихлебывать чай.

Подумав, о чем можно безбоязненно вести беседу, Амалия решила остановиться на детях Киреевых и заговорила о них. Наталья Дмитриевна тотчас оживилась и стала с увлечением рассказывать о старшем, Владимире, который учился в Петербургском университете, и младшем, Алексее, который состоял в гимназии на полупансионе. В гимназии он не только учился, но также обедал и готовил уроки, а вечером возвращался к родственникам, у которых его устроила Наталья Дмитриевна. На праздники и в выходные дни брат привозил его к родителям на Сиверскую, и вот завтра...

– А почему вы не хотите перебраться в Петербург? – спросила Амалия. – Поближе к детям и... и вообще...

Иван Николаевич поднял голову, и по выражению его лица она поняла, что допустила оплошность, хоть и понятия не имела, в чем та могла состоять. Наталья Дмитриевна сбивчиво заговорила о том, что жизнь в Петербурге требует больших средств, что дела расстроены, что имение требует ежедневного присутствия Киреевых, потому что управляющие – мошенники, за крестьянами нужен глаз да глаз, да еще Сергей Георгиевич донимает их своими капризами и постоянно требует денег.

– Кто такой Сергей Георгиевич? – машинально осведомилась Амалия.

– Мой старший сын, – сухо бросил хозяин дома.

Получается, что у Киреева имелся еще один сын, о котором гостья ничего не знала и о котором никто при ней даже не упоминал раньше. И тут ее осенило.

Фото за шкафом, молодая женщина с изможденным лицом – уж не первая ли это жена Георгия Алексеевича? Почему бы и нет, раз снимку было четверть века, а то и больше. В то время Киреев вполне мог жениться первым браком, а потом... потом его жена умерла. После нее остался сын, а Георгий Алексеевич женился снова. Логично? Логично. Но если фото первой жены остались в доме, пусть и за шкафом, то для изображений старшего сына даже не нашлось места.

– Не стоило мне о нем говорить, – промолвила Наталья Дмитриевна с сокрушенным видом. – Это ужасный человек. Мы всегда делали для него все, что могли, но взамен получали только чудовищное пренебрежение, и хорошо, если не прямые оскорбления. Не было такой

истории, в которую он не впутался бы. Он имел все шансы закончить курс в университете первым, но взамен добился того, чтобы его исключили. Даже тогда мы смогли найти для него место, приносящее приличный доход, и что же? Опять история, опять его выгоняют с позором. – Она горько покачала головой: – Теперь он нигде не работает, живет с... Впрочем, простите, Амалия Константиновна, я совсем забыла, что для вас неинтересны все эти подробности...

– Он сейчас живет один, – неожиданно подал голос Иван Николаевич. – Я видел его несколько дней тому назад. Он говорил, что переехал на Васильевский остров, к прежней хозяйке.

– Вот как? – довольно неопределенно промолвил Георгий Алексеевич. – Что еще он вам говорил?

– Попросил взаймы хоть сколько-нибудь. Я дал ему рубль. – Учитель покраснел.

– Это очень благородно с вашей стороны, – пробормотала Наталья Дмитриевна. – Разумеется, деньги мы вам вернем, но все же... все же лучше было бы, если бы вы ничего ему не давали. Мы уже пытались ему помочь, много раз, но он все тратит на выпивку. Пропавший человек, совершенно пропавший! И ведь не обстоятельства его сделали таким, а он сам, своей волей...

– А что произошло с его матерью? – подала голос Амалия.

Все-таки она не смогла удержаться. Три пары глаз обратились на нее, и в двух она прочла удивление, но в третьих – женских – сквозило неудовольствие.

– Екатерина, моя первая жена, умерла после долгой болезни, – проговорил Георгий Алексеевич, насупившись. – Был холодный, но солнечный день, почти такой же, как сегодня. Сережу послали к родственникам. Приехал один доктор, потом другой, потом мне сказали, что все кончено. – Он тяжело дернул челюстью, его светлые глаза потемнели. – У Кати был черный кот, к которому она почему-то особенно привязалась. Он любил только ее, а меня не любил, шипел и выпускал когти. В день ее смерти он исчез. Я бегал везде, звал его, но так и не смог его найти.

– Представляешь, Жорж, госпожа баронесса уверяет, что видела сегодня черного кота, – сказала Наталья Дмитриевна с деланным смешком.

– Это невозможно, – проговорил Георгий Алексеевич после недолгого молчания. – Где вы его видели?

– В гостиной, – ответила Амалия, – незадолго до обеда.

– Нет, не может быть, – покачал головой хозяин дома. – У нас нет черного кота.

– Может быть, соседский? – предположил учитель, с любопытством поглядывая на Амалию.

– Если бы у них был черный кот, я бы знал. – Георгий Алексеевич вздохнул и почесал висок. – Забытый кот какого-нибудь дачника? Вы меня прямо заинтриговали, сударыня. А вы уверены, что это был именно черный кот?

Амалия ограничилась тем, что улыбнулась и пожала плечами. По правде говоря, она уже начала жалеть, что разговор вообще зашел о коте. Животное, которое попало ей на глаза, несомненно, имело материальную природу; но она была не прочь вообразить, что кот явился из прошлого, вышел из фотографии, где его держала на руках умирающая молодая женщина.

– Жаль, что с нами сейчас нет моего дяди, он бы сказал по-французски что-нибудь вроде того, что даже необъяснимое должно иметь свое объяснение, – заключил Георгий Алексеевич. – Ужасно жаль, Иван Николаевич, что дядя все откладывает свой приезд и ставит вас в неловкое положение. С другой стороны, мы зато имели возможность оценить ваше общество...

Из последующего обмена репликами Амалия узнала, что Иван Николаевич надеется написать статью по материалам пушкинских писем, которые хранятся у князя, и что учитель также рассчитывает добиться публикации самих писем, которые могут обогатить биографию великого поэта рядом новых сведений.

– Дядя однажды показывал мне пачку писем, все в сохранившихся конвертах, – сказал Георгий Алексеевич, – но я был тогда молод и – что греха таить – глуп. Я даже не спросил у него, о чем он переписывался с Александром Сергеевичем. Потом, после всех своих несчастий, дядя замкнулся в себе и уже никого не подпускал к своим бумагам. Вы ему писали, и вам он тоже, судя по его ответам, ничего определенного не обещал, но вы надеетесь его уговорить. Я с самого начала предупреждал вас, что это дело нелегкое, но мне хочется, чтобы у вас все получилось. Пока дядя оттягивает свое возвращение в Россию, но как только он приедет, я дам вам знать, чтобы вы не ездили зря на Сиверскую.

Иван Николаевич покраснел и возразил, что ему вовсе не трудно навещать Киреевых, тем более что в редакции его снабдили бумагой на бесплатный проезд по железной дороге, и вообще он питает к Георгию Алексеевичу и Наталье Дмитриевне глубочайшее уважение.

– Даже если князь не снизойдет к моей просьбе, я рад уже тому, что познакомился с вами, – добавил Митрохин. – Если я могу что-то сделать для вас, располагайте мной как сочтете нужным.

Наталья Дмитриевна улыбнулась, Георгий Алексеевич казался польщенным, и только у Амалии слова учителя оставили осадок, причину которого она не стала от себя скрывать. Она не любила, когда люди унижались, а с ее точки зрения, Иван Николаевич именно унижался, и это было тем заметнее, что он не производил впечатления человека, который привык заискивать или угождать. Когда через несколько минут Митрохин спохватился, что ему пора на вокзал, потому что следующий поезд прибудет в Петербург поздно и неудобно для него, никто из хозяев не предложил уже знакомый Амалии экипаж, чтобы подвезти учителя. И хотя Наталья Дмитриевна совсем недавно уверяла, что рубль, занятый пасынком, они непременно вернут Ивану Николаевичу, о рубле больше никто не упоминал. Разумеется, все это были мелочи, и иной человек назвал бы их незначительными, но Амалия предпочла бы, чтобы рубль отдали и до станции (которая располагалась в нескольких верстах) учителя подвезли. По отношению к ней самой Киреевы были более чем предупредительны, и про себя гостя решила, что они относятся к ней лучше, чем к Митрохину, потому что рассчитывают при ее посредстве получить приглашение на коронацию, о которой недавно шла речь. Впрочем, после ухода Ивана Николаевича никто больше не упоминал о коронации, и разговор вращался вокруг самых общих тем. Обсуждали знакомых, Георгий Алексеевич рассказал несколько любопытных случаев, связанных с историей дома, Наталья Дмитриевна пожаловалась на то, что нынешняя мода вынуждает женщин быть расточительными, и как-то незаметно подошло время ужина, а после него хозяйка вместе с Амалией отправилась в отведенный для гостей флигель.

Глава 4

Человек из прошлого

– А вот и ваша спальня, госпожа баронесса, – сказала Наталья Дмитриевна, распахивая перед Амалией дверь в небольшую, но уютную комнату.

Осмотревшись, гостя первым делом отметила не широкую кровать и не старинные расписные ширмы в человеческий рост, а висевшую на стене картину. Она изображала ночное море, волнующееся после бури, одинокий маяк, источавший желтоватый свет, а на переднем плане – скалистый берег. Приблизившись, Амалия разглядела на берегу фигуру утопленницы, которая все еще прижимала к себе ребенка, очевидно мертвого. Сюжет поражал своей мрачностью, и баронесса Корф подумала, что вряд ли захотела бы иметь перед глазами такую картину, да еще видеть ее каждый вечер перед отходом ко сну. С ширмами, по крайней мере, дело обстояло проще: на них были нарисованы потемневшие от времени павлины, горделиво распутившие свои хвосты.

– Это спальня покойной княгини, супруги Петра Александровича, – поторопилась объяснить Наталья Дмитриевна. – Он настоял на том, чтобы ничего здесь не трогать, но если вам не нравится картина...

– Хороший художник, – буркнула Амалия, отворачиваясь от искусно написанного маяка и скрюченной женской фигурки на берегу. – А что в других комнатах?

– Спальня князя и его библиотека, вернее, та его часть, которую он держит здесь. Ничего интересного в ней нет.

«По крайней мере, здесь действительно топили на совесть», – подумала Амалия. В спальне было жарко и даже, пожалуй, жарче, чем предпочла бы гостя. Наталья Дмитриевна спросила, довольна ли госпожа баронесса, и получила утвердительный ответ.

– Так как вы прибыли без багажа, – добавила хозяйка, конфузливо улыбаясь, – я взяла на себя смелость выбрать для вас... – Она не закончила фразу и махнула рукой в сторону ширм, но Амалия уже поняла, что ей приготовили ночную рубашку.

Из вежливости молодая женщина рассыпалась в благодарностях, хоть и была заранее уверена, что рубашка, взятая из запасов хозяйки, ей никак не подойдет.

– Брат Никита привез мне как-то подарок из Парижа, – сообщила Наталья Дмитриевна, улыбаясь, – хотел сделать сюрприз, но не угадал с размером. Вот и лежал его дар у меня в комод, а теперь как раз на вас и пойдет. Видите, как удачно все получилось! Горничную мы по-старинному вызываем колокольчиком; если хотите, я сразу же пришлю ее к вам.

Амалия сказала, что горничная ей пока не нужна, и Наталья Дмитриевна, еще раз справившись, довольна ли всем гостя, удалилась. Оставшись одна, баронесса Корф отправилась ревизовать предназначенную для нее ночную рубашку. То ли брат Натальи Дмитриевны отличался особо изощренным чувством юмора, то ли продавец сознательно ввел его в заблуждение, но у Амалии сложилось впечатление, что одежда, которую она видела, была предназначена для дамы совершенно иного типа, чем домовитая и заурядная госпожа Киреева. В рубашке с такими соблазнительными рюшами, кружавчиками и разрезами если и спят, то уж точно не в одиночестве. Будь Амалия ханжой, она бы не преминула обидеться; но она только развеселилась.

«Когда вернусь, непременно расскажу Саше... Нет, не расскажу: он может бог весть что себе вообразить. – По опыту семейной жизни Амалия уже знала, что муж и жена вовсе не обязательно смотрят на некоторые вещи одинаково. Пройдясь по комнате, она остановилась напротив картины. – Очень хороший живописец, и очень мрачный сюжет. – Тут она подумала о княгине, которая потеряла почти всех своих детей. – Интересно, что для нее значила эта

картина: символ потери или, напротив, свет надежды, который разгоняет мрак? – Свет маяка и в самом деле был на полотне самым ярким пятном. – Может быть, и то и другое сразу. – Амалия вздохнула и прислушалась, машинально отметив, какая вокруг царит тишина. – И почему они не поставили в спальню часы? А если мне захочется узнать, который час? И вообще, кажется, они немного переборщили... Тут слишком душно, я сразу и не усну».

От нечего делать она отправилась осматривать остальные комнаты флигеля и почти сразу же оказалась в библиотеке, заставленной высокими однотипными шкафами. Свет лампы, которую захватила с собой Амалия, скользнул по кожаным корешкам.

«Может быть, тут найдется что-нибудь? Моя книга мне наскучила еще в поезде...»

За ужином Георгий Алексеевич не без желчности заметил, что его дядя «водился со всеми великими мертвецами нашей литературы», и вполне естественно было ожидать, что в библиотеке князь Барятинский держал их произведения. Однако, к удивлению Амалии, в шкафах обнаружились издания совершенно иного типа. Тут были адрес-календари и памятные книжки всех губерний Российской империи, расставленные по годам, солидные тома, озаглавленные «Список майорам по старшинству», «Список полковникам по старшинству», «Список военным и гражданским чинам первых двух классов», «Список гражданским чинам первых трех классов». На соседних полках теснились «Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям Российской империи», «Список свиты его императорского величества», «Список генералитету по старшинству», «Список высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления» и даже «Российский медицинский список, изданный по высочайшему его императорского величества повелению». Одним словом, то были справочники, которые издавались из года в год в Петербурге либо в губернских центрах и содержали перечни фамилий лиц, находящихся на службе в том или ином ведомстве.

«Любопытно, зачем Петру Александровичу понадобились все эти адрес-календари и списки военных и врачей? – думала Амалия. – Следил за карьерой кого-нибудь из знакомых? Или тут чисто библиофильский интерес, мания собирательства, а на самом деле он ни одной книги даже не открывал?»

Наугад потянув с полки «Памятную книжку области войска Донского на 1881 год», Амалия, однако, убедилась, что все страницы были разрезаны и что кто-то удосужился прочитать ее от корки до корки, потому что на полях остались многочисленные карандашные отметки. Такой чести удостоились, к примеру, упомянутые в книжке генерал-майор Митрофан Алексеевич Вельяминов-Зернов, есаул Нектополион Капитонович Агеев, войсковой старшина Иван Андреевич Луизов, коллежский советник Антон Анжелович Кампиони, полковник Емельян Филиппович Тюрморезов, губернский секретарь Феодосий Дмитриевич Плоский, титулярный советник Николай Вакхович Фролов, прокурор Дмитрий Федорович Труханович-Ходанович, учитель математики Стратоник Иванович Корытин, дворянин Иван Адольфович Штурмде-Штрём, младший почтовый сортировщик Иван Михайлович Венценосцев и лекарь Иван Федорович Мельников-Разведенков.

Амалия вполне допускала, что князь Барятинский был знаком с генералом Вельяминовым-Зерновым или с полковником Тюрморезовым, но почтовый сортировщик Венценосцев и губернский секретарь Плоский ставили ее в тупик. Вернув том на место, она взяла с соседней полки «Памятную книжку Псковской губернии» за 1882 год. Как оказалось, в ней внимание Петра Александровича привлекли коллежский секретарь Казимир Ипполитович Квинто, титулярный советник Иван Иванович Лапочкин, управляющий банком Алексей Николаевич Плющевский-Плющик, учитель древних языков Алоизий Антонович Прохаска, помощник классных наставников Александр Онисимович Собакин-Фадеев, член городской думы Федор Михайлович Плюшкин, полковник Рудольф Корнильевич О'Рурк, пристав Иван Сергеевич Скоропостижный и купец Михаил Дмитриевич Пошибайлов.

– Ах, так вот в чем дело! – протянула Амалия, начиная понимать.

Судя по всему, на склоне лет Петр Александрович нашел себе новое занятие: он стал коллекционировать забавные, странные или просто экзотические имена и фамилии. А поскольку Российская империя весьма обширна и проживают в ней представители множества народов, каких только сочетаний тут не найдешь, причем Кампионы и Нектополионы мирно уживаются с Вакховичами, О'Рурками, Коротыными и Собакиными-Фадеевыми. Полистав еще несколько томов, Амалия убедилась, что ее догадка оказалась верна. Князь отмечал все имена, которые привлекли его внимание, причем, судя по всему, особую слабость он питал к двойным и тройным фамилиям; но даже Амалия не смогла бы пройти мимо такого экземпляра, как «товарищ прокурора, статский советник Николай Николаевич Будь-Добрый».

Убедившись, что, кроме справочников, больше ничего в библиотеке Петра Александровича не водится, баронесса Корф вернулась в спальню, переоделась, легла в постель и попыталась уснуть. Однако воображение ее, вероятно, все еще находилось под впечатлением недавнего открытия, потому что под утро ей приснился какой-то чрезвычайно запутанный сон, в конце которого книги выпрыгивали на нее из шкафов и из страниц высыпались сотни человечков, которые ужасно суетились и пытались всячески привлечь ее внимание. Особенно старался какой-то смешной господин с хохолком, и уже во сне Амалия сообразила, что это и есть товарищ прокурора Буди-Добрый.

– Как будто вы не знаете, что недоверчивость к правительству есть вывеска нашего политического быта! – произнес он скрипучим неприятным голосом.

Амалия открыла глаза и машинальным движением постаралась натянуть одеяло повыше, потому что в спальне стало холоднее, чем раньше. За дверями – шаги, скрип половиц, два голоса: бу-бу-бу. Слов не разобрать, голоса удаляются, шаги стихают. Амалия повернулась на другой бок, зацепила взглядом на стене нижнюю часть картины – берег с утопленницей – и проснулась окончательно.

«Который час? Ах да, тут же нет часов, а свои я забыла дома...»

Она выбралась из постели, отдернула занавеску и поглядела в окно, за которым падал мелкий редкий снег – но все же снег, который, по правде говоря, Амалия вовсе не жаждала увидеть в разгар весны.

– А-апчи!

Амалия схватила колокольчик, чтобы вызвать горничную, но он выскользнул из ее руки и укатился под кровать, да там и затаился. Баронесса Корф наклонилась, пытаясь высмотреть беглеца – но тот как в воду канул. Отказавшись от мысли о горничной, Амалия стала сама одеваться и приводить себя в порядок. Серый промозглый день просачивался во все щели и норовил взять за горло и придушить безнадежностью.

«Вероятно, завтрак еще не подавали... – подумала баронесса. – Или они из деликатности не стали меня будить?»

По правде говоря, Амалия принадлежала к людям, которые не прочь поспать подольше, но почему-то ей не хотелось, чтобы Киреевы узнали об этой ее особенности. Тех, кто поднимается рано, с первыми птичками, принято считать молодцами и работягами; а спящие допоздна, напротив, испокон веков вызывают только косые взгляды и подозрения в лени – даже если ты великосветская дама. Чихнув еще раз, Амалия оглядела себя в зеркале, тут поправила складочку, там убрала светлую прядь – и выскользнула из спальни.

В гостиной баронесса Корф обнаружила не только хозяев дома, но и новое, неизвестное ей лицо. Им оказался высокий старик в пенсне, который сидел в кресле, обеими руками опираясь на трость с массивным набалдашником. Тонкие бесцветные губы его стянулись в нить, и при одном взгляде становилось ясно, что нить эту выткало огромное разочарование в жизни, полной потерь и поражений. В тяжеловатой нижней челюсти старика просматривалось что-то бульдожье, но у Амалии все же мелькнула мысль, что бульдог, о котором шла речь, должен был давно утратить свою хватку. Сквозь редкие, совершенно седые волосы проглядывала розоватая

кожа, дряблая шея утопала в складках галстука, завязанного на какой-то сложный и, вероятно, старинный манер. Незнакомец был прекрасно одет, но почему-то Амалия видела перед собой не одежду, а душу, которая устала носить тело. Взгляд у старика был такой, словно он жил на белом свете уже лет двести и все вокруг опротивело ему настолько, что даже отвращение вошло в привычку и давно потеряло свою силу.

– Вы говорите – дипломатия, – произнес он своим скрипучим старческим голосом, как две капли воды похожим на тот, который Амалия недавно слышала сквозь сон. – А я вот что скажу вам, милостивый государь: дипломатия тогда хороша, когда перья ее очинены острыми штыками, а чернила разведены порохом.

– И вероятно, настояны на крови, – заметил Георгий Алексеевич. Он пытался замаскировать свою фразу шутливой интонацией, но Амалия сразу же поняла, что хозяин дома не слишком жалуется своего собеседника.

– На крови врагов, поверженных в прах, – уточнил старик спокойно. Взгляд его остановился на портрете, на котором красовался молодой нахал в орденах, и подобие улыбки скользнуло по тонким губам.

– Петр Александрович, здесь наша гостья, – поспешно заметила Наталья Дмитриевна. – Баронесса Амалия Константиновна Корф – князь Петр Александрович Барятинский, дядя моего супруга.

– Нет, нет, не вставайте, князь! – вырвалось у Амалии, когда она увидела, что старик попытался подняться с кресла. Однако он встал, хоть и не без усилия, и поглядел на нее сверху вниз. (Амалия не ошиблась в определении его роста – князь и в самом деле оказался очень высок.)

– Значит, это вы захватили мой флигель? – спросил князь после того, как произнес несколько учтивых фраз, продиктованных приличиями, о том, как он счастлив познакомиться с госпожой баронессой.

Амалии не понравилось слово «захватила», и она решила, что просто так этого князю не спустит.

– О да, пришла, увидела и захватила, – съязвила она, смягчив, однако, свою версию выражения Цезаря по-женски очаровательной улыбкой. – Мне говорили, что вас ожидают на Сиверской только через неделю.

– Гм! – промолвил князь, глядя на собеседницу с подобием интереса. – Действительно, я собирался приехать немного позже, но... – Он пожал плечами. – Один общий знакомый загорелся мыслью помирить меня с Иваном Сергеевичем, который серьезно болен. Однако наша встреча... скажем так, не удалась.

– А известно уже, что с ним такое? – спросила Наталья Дмитриевна с любопытством.

С некоторым опозданием Амалия сообразила, что речь идет о Тургеневе, слухи о болезни которого уже некоторое время циркулировали в прессе.

– Он очень плох, – сказал Петр Александрович спокойно. – Раньше он верил, что умрет в тысяча восемьсот восемьдесят втором году, потому что его мать когда-то увидела во сне его могильный камень с этой датой. Что ж, по крайней мере, он пережил восемьдесят второй.

– Сюда несколько раз приезжал тот учитель, Митрохин, – вмешался Георгий Алексеевич, обнаруживая явное стремление переменить тему. – Днем раньше вы бы с ним не разминулись. Бедняга, по-моему, рассчитывает выбиться в люди за счет писем Пушкина. Недавно дочь Александра Сергеевича, графиня Меренберг, дала опубликовать его переписку со своей матерью. Публика очень благосклонно относится к таким документам...

Князь едва заметно поморщился и тяжело опустил обратно в кресло.

– Ах, да о чем мы говорим! Как будто вы не понимаете, что на самом деле публике нет дела ни до Александра Пушкина, ни до его писем, – промолвил он. – Взять хотя бы вас, госпожа баронесса, – что вы о нем думаете?

– Я думаю, что те же самые глаза, которые когда-то видели его, теперь смотрят на меня, – честно ответила Амалия. – Но, по правде говоря, мне не кажется, что это равноценная замена.

Георгий Алексеевич усмехнулся, а князь, очевидно, не сразу нашелся что ответить, тем более что в образовавшуюся паузу вновь вклинилась Наталья Дмитриевна.

– Скажу прислуге, чтобы подавали на стол – пора завтракать, – жизнерадостно сообщила она. – Что касается флигеля, Петр Александрович, мы можем поселить вас в доме, в одной из гостевых спален.

– Я могу освободить флигель и перебраться в гостевую спальню, – предложила Амалия.

Наталья Дмитриевна засыпала ее словами, из которых следовало, что это вовсе не обязательно и они не смеют ее тревожить – а впрочем, если она не против, пожалуй, и в самом деле будет лучше, если князь устроится во флигеле, как он привык, а ей устроят ночлег в доме. (Хотя в самом флигеле, как вы помните, находилось две спальни, с точки зрения приличий такое близкое соседство баронессы и князя, пусть и весьма почтенного возраста, было не вполне удобно.)

– Ну вот, все и устроилось наилучшим образом, – сказал Георгий Алексеевич, когда переговоры по этому поводу были закончены, и повернулся к жене: – Душенька, мне тут пришла повестка на заказное письмо, так что я съезжу на почту, хорошо?

Наталья Дмитриевна поставила супругу на вид, что почта от них в нескольких верстах и что она уже давно просила всю родню посылать только простые письма, потому что их приносят почтальоны, а за заказными приходится ехать самому, да еще с удостоверением личности. Георгий Алексеевич развел руками и объявил, что тут он ничего поделать не может, потому что письмо не от родственника, а от жены бывшего однокурсника, которого уличили в растрате казенных денег и сослали в Сибирь.

– Помощи, должно быть, просит, – проворчала Наталья Дмитриевна, ничуть не смягчившись, – а когда ее муж был в силе, не слишком-то она рвалась знаться с нами... Хорошо, поезжай, если надо, но только сначала позавтракай.

Когда Амалия вернулась во флигель, чтобы забрать свои вещи, и выглянула в окно, ей показалось, что она видит в дальнем углу сада черного кота, который стоял там под сыплющимся снегом и словно кого-то ждал. Однако, присмотревшись, баронесса Корф пришла к выводу, что ее ввела в заблуждение игра теней.

Глава 5

Человек без будущего

Завтрака Амалия ждала с нетерпением – не потому, чтобы особенно проголодалась, а потому, что у нее сложилось убеждение, что с князем, который знал столько выдающихся людей и наверняка многое видел, будет о чем поговорить. Однако за столом Петр Александрович большую часть времени молчал, а общим разговором завладела Наталья Дмитриевна. Она жаловалась на то, что содержание имения обходится дорого и что в год на него уходит не менее двух тысяч рублей.

– Недавно пришлось выравнивать полы на террасе, потому что доски все сгнили и перекошились... Огород большой, но овощи то уродятся, то нет, а прошлое лето было такое жаркое, что все засохло... Садовнику тридцать рублей в месяц, сторожа недавно прогнали, потому что пьет горькую... Трудно найти хороших работников, очень трудно!

– Бедствуете, значит? – спросил князь с тонкой улыбкой.

Наталья Дмитриевна надулась:

– Почему бедствуем, Петр Александрович?.. Просто все дается нелегко. Муж предлагал ульи завести, но я поговорила со знающими людьми – еще неизвестно, будет ли мед... У брата моего в имении семь ульев есть, так два года кряду меду не было.

«Неужели она всерьез думает, что ее рассказы могут быть кому-то интересны?» – мелькнуло в голове у Амалии. Георгий Алексеевич, очевидно, придерживался того же мнения, потому что откашлялся и спросил у князя, какие у него планы в этот приезд.

– Боюсь, в моем возрасте никакие планы уже не имеют смысла, – усмехнулся старик. – С жизнью, в сущности, покончено – то есть приходится уже не жить, а кое-как обороняться от небытия. Впрочем, эта тема вряд ли подходит для застольной беседы, и я прошу прощения, что затронул ее.

Наталья Дмитриевна, нахмурившаяся при первых его словах, оживилась и заговорила о том, что, если лето в этом году будет такое же холодное, как и весна, дачный сезон вряд ли удастся.

Из-за стола Амалия встала с чувством досады.

«Хорошая женщина, но до чего же ограниченная... Или нет? В смысле – не такая уж хорошая. Все-таки мелочно, да и жестоко прятать за шкаф снимки соперницы, которая уже умерла...»

Смутно Амалия надеялась на то, что после завтрака ей удастся пообщаться с князем с глазу на глаз и узнать от него что-нибудь интересное. Однако тут Георгий Алексеевич завладел дядей и стал обсуждать с ним заграничные цены на вина.

– Цены? Что ж, если вам угодно знать... – Петр Александрович говорил медленно, словно взвешивая каждое слово. – В пересчете на наши деньги медок идет по шестьдесят копеек за бутылку, сен-жюльен – семьдесят пять копеек, лафит – рубль десять. Это баденские цены, а что касается Парижа...

Амалия перестала слушать. Ей показалось, что Георгий Алексеевич раздумал ехать на почту, а раз так, вина он мог обсуждать до бесконечности. Вспомнив, что не успела дочитать вчерашний роман, гостя ушла к себе и села с книгой у окна. Бывают тексты, может быть, несовершенные, но в их мир хочется войти, подружиться с героем и порадоваться его успехам; а бывают тексты мастеровитые, кудаходишь, как в вагон, едущий от одной остановки до другой, – и как только выходишь из этого вагона, перевернув последнюю страницу, немедленно забываешь и его, и героев-попутчиков. Начав читать с места, на котором остановилась, Амалия обнаружила, что начисто забыла имя поклонника героини, как и имя врага, строившего

многочисленные и ужасающие козни, так что ей пришлось вернуться на несколько страниц назад, чтобы вспомнить, кто есть кто.

К обеду приехали сыновья Киреевых: Владимир – серьезный молодой студент в очках, с темными усиками, которыми он явно гордился, и Алексей – флегматичного вида щекастый увалень-гимназист с оттопыренными розовыми ушами. Старший смахивал на отца в молодости, младший пошел больше в мать. От присутствия в доме сыновей Наталья Дмитриевна сразу похорошела, посветлела лицом и стала хлопотать с удвоенной энергией, чтобы устроить для детей все как можно лучше. Через некоторое время вернулся и Георгий Алексеевич, который все-таки съездил на почту и получил адресованное ему письмо. С детьми он пытался играть роль отца семейства, покровительственным тоном задавал вопросы об учебе, об университетских делах, но чувствовалось, что в семье он все же играет вторую скрипку. Младшие Киреевы скорее были симпатичны Амалии, но от нее не укрылось, что они относятся к князю чуть ли не свысока – как к старому докучному родственнику.

За обедом Петр Александрович к случаю рассказал придворный анекдот из николаевских времен:

– Когда граф Канкрин¹ серьезно заболел, герцог Лейхтенбергский² спросил у своего знакомого: «*Quelles nouvelles a-t-on aujourd'hui de la santé de Cancrine?*» – «*De fort mauvaises, il va beaucoup mieux*»³.

– Кто такой Канкрин? – спросил Владимир.

– Он был министром финансов, – ответил князь.

– А герцог Лейхтенбергский? – ломающимся подростковым голосом осведомился Алексей.

Петр Александрович бросил на него быстрый взгляд и стал смотреть в свою тарелку. Хозяин дома объяснил, что герцог был зятем императора Николая.

– А снег-то больше не идет! – вдруг всполошилась Наталья Дмитриевна. – И даже солнце выглянуло! – Снег перестал идти еще до обеда, и солнце показалось примерно тогда же, но она словно только что это заметила. – Госпожа баронесса, отчего вы ничего не едите? Неужели вам не нравится?

По справедливости, Амалия должна была ответить, что не привыкла к таким большим порциям, какие подавались у Киреевых, и решила немного перевести дух, но нам всегда совестно признаваться, что другие переоценили наши силы, пусть даже речь идет только о поедании котлет. Гостья отделалась довольно вялой и натужной шуткой о том, что, напротив, все ей очень нравится, просто она готовится к решительному штурму тарелки. Все засмеялись – точнее, почти все, потому что князь ограничился одной улыбкой, такой же вялой, как и вызвавшая ее острота.

Заговорили как-то вразнобой и каждый о своем. Наталья Дмитриевна сообщила, что собиралась показать госте окрестности – живописнейшие, между прочим, – но ввиду капризов погоды от этой идеи пришлось отказаться. Владимир вспомнил университетского профессора, который подыскивал себе на лето дачу на Сиверской. Георгий Алексеевич сделал плачущее лицо, повторил свою филиппику против хищных дачников, тыпнул, кстати, рюмочку водки (чему супруга не успела воспрепятствовать) и с изумленным видом застыл на стуле. Алексей рассказал, что товарищи в гимназии дали ему кличку Крокодил, потому что однажды учитель географии спросил, какие животные водятся в Европе, а он тайком читал под партой книгу, не расслышав вопроса и ответил наугад.

---

¹ Граф Егор Францевич Канкрин (1774–1845) – государственный деятель, министр финансов.

² Герцог Максимилиан Лейхтенбергский (1817–1852) – президент Академии художеств.

³ «Какие сегодня новости о здоровье Канкринина?» – «Очень плохие, ему гораздо лучше» (франц.).

– Однако крокодилы все же водятся в Европе, – заметил князь. – В зоопарках, – добавил он после легкой паузы.

Обед пролетел почти незаметно, а после него, пользуясь тем, что немного распогодилось, Амалия вышла погулять в сад. На траве там и сям лежал мокрый снег, который на земле уже успел растаять и превратил ее в месиво из грязи и воды. Нежно-розовый кукольный дом уже не казался таким идиллическим, и вдобавок где-то в ветвях деревьев вороны препирались так громко, словно они были новыми правителями мира и делили его на части. Подобрал юбку, Амалия сделала несколько шагов по дорожке, едва не угодила в лужу, подумала, что на сегодня с нее хватит прогулок, – и, опустив глаза, увидела на пелене нарастающего снега четкие отпечатки кошачьих лап.

Почему-то это открытие обнадежило ее. Черный кот оставлял следы, стало быть, он вовсе не был привидением, которое выбралось из старой фотографии. «Да, но не стоит сбрасывать со счетов котов, которые живут в доме, – подумала Амалия, забавляясь про себя. – Конечно, это следы кого-нибудь из них». Чтобы проверить свою догадку, она пошла по следам и, поблуждав по саду, оказалась возле ворот. Здесь следы терялись, так что не было никакой возможности установить, куда делось животное, которое так заинтриговало Амалию. Зато вместо кота она увидела незнакомого человека, который ходил взад и вперед возле ограды, куря папиросу. Появление молодой женщины застало его врасплох: он отшатнулся, выронил папиросу и сдавленно чертыхнулся. На вид незнакомцу было лет тридцать пять; худой, бледный, с черными кругами под глазами и костистыми скулами, которые туго обтягивала кожа, он был некрасив – и в то же время чем-то притягивал взгляд. Какой-нибудь художник, пожалуй, счел бы, что перед ним интересный тип. Но Амалия не была художником, и поэтому она сразу заметила, что незнакомец стоит в холодный день без перчаток и вообще выглядит порядком обносившимся.

– Здравствуйте, сударь, – выпалила она. (Ни тогда, ни потом она не могла объяснить себе, почему ей пришлось в голову начать разговор именно с этой фразы.)

– Д-добрый день, сударыня, – нервно ответил незнакомец. Он потерянно посмотрел на папиросу, упавшую в грязь, и перевел взгляд на собеседницу. – А Наталья Дмитриевна дома?

– Дома, – ответила Амалия, решив на всякий случай ничему не удивляться.

– Значит, я зря приехал, – мрачно изрек незнакомец.

«Нет, ему не тридцать пять, а, пожалуй, меньше тридцати, – размышляла Амалия, приглядевшись к своему собеседнику. – Широкий образ жизни, вот в чем дело. И, конечно, он много пьет. Позвольте, а не может ли это быть...»

– Вы, случайно, не видели здесь кота? – спросила она вслух.

– Нет. У вас убежал кот?

– Он не мой, – зачем-то уточнила баронесса Корф, хотя ее собеседник вполне мог обойтись без этого уточнения. – Но я его ищу.

– Ведьма потеряла кого-то из своих котов? – хмыкнул незнакомец.

– Ведьма?

– Ну, Наталья Дмитриевна.

– Верхом на метле я ее не видела, – не моргнув глазом, объявила Амалия. – А вы... вы ведь Сергей Киреев, верно?

– Он самый.

– Почему вы не зайдете?

– Пф, – фыркнул Сергей, неуклюже поведя своими узкими плечами. – Зачем? Меня все равно выставят. – И он мрачно посмотрел на розовый дом, блестящий в лучах предательского весеннего солнца.

– Нет, так не годится, – покачала головой Амалия. – Пойдемте со мной.

Старший сын Георгия Алексеевича поглядел на нее с удивлением, но она уже повернулась и зашагала к дому, не оставив собеседнику пространства для маневра, так что Сергею

оставалось только следовать за ней. В гостиной никого не было, но из соседней комнаты доносился стук шаров: там играли в бильярд.

Появление блудного сына на пороге бильярдной произвело эффект, весьма далекий от благоприятного. Георгий Алексеевич промахнулся по шару и разорвал сукно концом кия, Владимир с глупым видом застыл на месте, Алексей открыл рот, а пухлая, улыбочивая, гостеприимная Наталья Дмитриевна в мгновение ока обратилась в напряженное, источающее неприязнь существо. Только князь, сидевший в кресле у стены, не шелохнулся и даже бровью не повел.

– Здравствуйте, папенька, – неприятным голосом проговорил Сергей, засунув руки глубоко в карманы. – Здравствуйте, маменька. Добрый день, Петр Александрович. Счастливи видеть, что вы совершенно не изменились.

За минуту до того Амалия сняла пальто и отдала его горничной, но ее спутник избавляться от верхней одежды отказался и как был, с поднятым воротником и в грязной обуви, проследовал за баронессой Корф.

– Что вам угодно? – спросила Наталья Дмитриевна дрогнувшим голосом. Но глаза ее метали молнии, которые не сулили вновь прибывшему ровным счетом ничего хорошего.

– Мне нужны деньги, – просто ответил Сергей. – Я задолжал Митрохину, и хозяйка требует уплаты за квартиру.

– Ты ставишь нас в неловкое положение, – промолвил Георгий Алексеевич после небольшого молчания. – Я уже давал тебе деньги две недели тому назад. – Он вздохнул и безнадежно спросил: – Сколько?

– Сто.

– Это слишком много, – вмешалась Наталья Дмитриевна. – У Митрохина вы взяли только рубль.

– А квартиру вы не считаете, маменька? А как насчет калош? И перчатки мне тоже нужны. Да и есть-пить бесплатно нигде не дают.

– Могу дать только двадцать рублей, – вмешался Георгий Алексеевич, протягивая сыну две смятые бумажки. – Бери и... и ступай.

– Двадцать мне мало будет, одни калоши в пять рублей станут, – угрюмо промолвил Сергей, но бумажки все же взял и небрежно засунул в карман. – Жаль, что у вас с деньгами туго, ну да мы-то с вами знаем почему, да?

И что-то такое глумливое проскользнуло в его тоне, что Георгий Алексеевич побагровел и стал тяжело дышать.

– Я требую, чтобы ты немедленно покинул этот дом! – рявкнул он.

– Покину, куда я денусь, – развязно ответил Сергей. – А вам, маменька, лучше бы поинтересоваться, кто сейчас на даче Шперера живет. Ручаюсь, вы очень, очень обрадуетесь.

Георгий Алексеевич открыл рот, как-то враз пожелтел лицом и сник. Сыновья глядели на него во все глаза, но взгляд, который ни с чем нельзя сравнить, принадлежал все же его жене.

– На даче Шперера? – проговорила Наталья Дмитриевна неожиданно высоким, тонким голосом. – Значит, опять, да, Жорж? Это она, да? А заказное письмо – это только предлог, чтобы с ней увидеться? – Муж не проронил ни слова. – Посмотри на меня! Что же ты молчишь?

Вместо ответа Георгий Алексеевич шагнул к старшему сыну, который стоял, недобро усмехаясь.

– Убирайся! – прошипел Киреев. – Вон, я сказал!

Он сделал попытку взять Сергея за плечо, чтобы вытолкать его из комнаты, но тот успел отскочить назад.

– Я сам уйду... Мое почтение, Петр Александрович! Счастливого оставаться!

Насмешливо блеснув глазами, он на прощание отвесил в сторону Амалии нечто вроде поклона и вышел из бильярдной.

– Жаль, сукно разорвалось, – пробормотал расстроенный Владимир, кладя кий. – И зачем вы, сударыня, его привели?

Глава 6

Ссора

«В самом деле, зачем я его привела?»

На этот вопрос Амалия не могла сама себе дать исчерпывающего ответа. Какую-то роль, конечно, сыграли фотографии первой жены Киреева, спрятанные за шкаф, глухое упоминание о старшем сыне, ставшем изгоем, и ощущение глубоко запрятанной фальши, которую баронессе Корф стал с некоторых пор внушать розовенький кукольный дом.

«По крайней мере, с чистой совестью могу сказать одно: я не могла уйти и оставить у ворот человека, который... который когда-то был частью этой семьи и которого из нее, полагаю, выжили».

Она не успела додумать свою мысль, потому что бильярдная, в которой Амалия находилась, неожиданно превратилась в театр, на сцене которого разыгрывается душераздирающая драма. Наталья Дмитриевна произнесла несколько бессвязных слов о даче Шперера, об обманах, о двуличности, о какой-то Марии Максимовне и перешла в наступление на мужа, который, судя по его лицу, в эти мгновения был сам не рад, что вообще появился на свет.

– Ах! Вы меня убиваете! – закричала на него жена. – Я умираю... Я сейчас умру!

И она в обмороке повалилась на пол. Владимир и Георгий Алексеевич бросились к ней, причем студент кричал «Мама, не умирай», а муж все еще продолжал бормотать бессвязные извинения, что жена все не так поняла. Впрочем, он вскоре перестроился, стал звать горничную и потребовал немедленно вызвать доктора.

Общими усилиями Наталью Дмитриевну перенесли на стоящий в бильярдной старый диван и стали приводить в чувство. Владимир метался, на глазах его выступили слезы; Георгий Алексеевич твердил, что все пройдет, что жена сейчас придет в себя, но голос у него был неуверенный. И тут старший сын напустился на него:

– Я ведь видел ее возле станции, эту ужасную женщину – она гуляла с черным котом и отвернулась от меня! Я решил, что обознался... но нет же! Как ты можешь так поступать с мамой? После всего, что она сделала для тебя!

– А что такого она для меня сделала? – завелся Георгий Алексеевич.

– Вылечила от пагубной привычки! Отказалась от мечты стать пианисткой...

– Ах, скажите пожалуйста! Да таких пианисток сколько угодно в любом доме!

– Добровольно заточила себя в глуши! Занимается делами имения, вместо того чтобы...

– Да не себя она здесь заточила, а меня! – вне себя выкрикнул Георгий Алексеевич. – Придумала, что ей плохо в городе, что ей надо жить в деревне, а на самом деле... А, да что тут говорить!

Он отошел к окну и яростно запустил обе руки в волосы. Наталья Дмитриевна шевельнулась на диване и тихо застонала:

– Жорж, ну почему ты так кричишь? Зачем же кричать... И ты, Володя... Володенька... Ах, что-то мне нехорошо... совсем нехорошо...

Она говорила очень тихо, то и дело останавливаясь, и водила рукой по груди, словно там, в глубине, что-то мучительно болело. На лице хозяйки дома было написано страдание, и Амалия почти была готова поверить ему – когда Наталья Дмитриевна на долю секунды повернулась в ее сторону, и между ресниц хозяйки дома блеснул такой неприязненный взгляд, что гостя застыла на месте.

«Ах, ловка! Ну до чего же ловка...»

Впрочем, по-настоящему Амалию заинтересовали только два момента: упоминание о черном коте, который, судя по всему, принадлежал пассии Георгия Алексеевича, и поведение

князя Барятинского, а также младшего сына Натальи Дмитриевны. Оба они, когда хозяйка дома удачно изобразила обморок, предпочли роли статистов. Петр Александрович устремил взор куда-то вдаль, словно даже не отдавая себе отчета в происходящем, и, пожалуй, его реакцию можно было списать на то, что он хорошо знал жену племянника. Гимназист по кличке Крокодил смотрел на мать скорее с любопытством, как смотрит искушенный зритель на актера, от которого ожидает чего-нибудь в высшей степени занимательного – и это оказалось тем более неожиданно, что Амалия была готова поклясться, что из двух братьев старший куда интеллектуальнее и сообразительнее.

«Хотя, с другой стороны, принимают дети Наталью Дмитриевну всерьез или нет – их личное дело... Черный кот – вот что обидно. Ларчик-то просто открывался: кот есть, и он принадлежит... Э... ну назовем ее дамой сердца Георгия Алексеевича. Дама сняла дачу, наверное, гуляет рядом с домом любовника, ждет удобного момента. Кот вообще может быть чем-то вроде условного знака, – фантазировала Амалия. – Если Георгий Алексеевич увидит его или услышит о нем, он поймет, что дама где-то неподалеку. То-то у него сделалось такое лицо, когда я упомянула о коте...»

До нее долетели слова Натальи Дмитриевны:

– Не надо врача, никого не надо... Дайте мне спокойно умереть!

«Переигрывает», – с неожиданной злостью подумала Амалия. Комедия, разыгрываемая хозяйкой дома, начала ей надоедать.

– Мама, ты не умрешь, я обещаю тебе, ты не умрешь! – воскликнул Володя, волнуясь.

– Я совсем забыл про Метелицына, – внезапно произнес Георгий Алексеевич. – Он же обещал быть к ужину. Надо предупредить его, что приглашение отменяется.

– Нет, нет, нет!

Наталья Дмитриевна села и спустила ноги с дивана.

– Мы не можем нанести Степану Тимофеевичу такую обиду...

– Обиду? – желчно переспросил Георгий Алексеевич. – Я же все равно не хочу продавать ему землю. К чему этот ужин, к чему вообще все? Пусть он едет к твоему брату и торгует его имение, ради бога, я не против!

– При чем тут мой брат? У него есть земли возле Куровиц, но дачи там не построишь, потому что железной дороги под боком нет. И вообще мы не о моем брате говорим! Господин Метелицын имеет право рассчитывать на наше уважение...

– Кто такой Метелицын? – спросила Амалия, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Богач из бывших купцов, – ответил Владимир. – Покупает землю, строит дачи.

Ну вот, разъяснилась еще одна маленькая загадка: почему Наталья Дмитриевна так упорно наводила разговор на дачи и почему Георгий Алексеевич так нелестно отзывался об их обитателях. Некий Метелицын хотел купить у него землю, а Киреев сопротивлялся, в то время как Наталья Дмитриевна была скорее «за» – и что-то подсказывало Амалии, что в конечном счете она настоит на своем.

– Мама, – проговорил Владимир, – может быть, все-таки не нужно ужина, если ты плохо себя чувствуешь?

– Со мной все хорошо, Володенька, – твердо промолвила Наталья Дмитриевна, глядя ему в глаза. – Пожалуйста, помоги мне встать.

Она вышла, опираясь на руку сына. Гимназист распахнул перед ними дверь и удалился следом за матерью и братом – может быть, чтобы не чувствовать себя неловко в присутствии отца. В бильярдной остались только Георгий Алексеевич, князь и Амалия. Шаркающей походкой хозяин дома приблизился к бильярду, зачем-то потрогал прореху, которую оставил его кий, и тяжело вздохнул.

– Должен попросить у вас прощения за эту семейную сцену, госпожа баронесса, – промолвил он. – В вашей семье, уверен, никогда не бывает ничего подобного.

Амалии не понравилась ирония, прозвучавшая в последних словах, — легкая, но тем не менее вполне ощутимая. Вошла горничная и объявила, что за доктором поехал один из слуг. Георгий Алексеевич метнул на нее хмурый взгляд, взял кий, в сердцах швырнул его на бильярд и вышел. Горничная, покраснев, засеменила прочь из комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.